

Сохранилось немало пушкинских мест на великой русской земле. «Вот мой адрес: на Мойке близ Коношненно-го мосту в доме нягини Волконской» — его последняя квартира. Отсюда 150 лет назад уезжал Пушкин за Черную речку навстречу роковому выстрелу. Здесь еще прожил два дня, пока не перестало биться сердце...

1. Кольцо с бирюзой

Последние годы жизни Пушкина тянуло в Москву. Чопорный, бессердечный николаевский Петербург со всей его грязью, лжой, равнодушием, с ханжескими салонами Нессельроде, с высочайшим двором, заглядывающим во все дверные скважины, становился невыносимым. Может быть, проснулось в душе поэта и подсознательное чувство «малой родины», тоска по тихим московским улочкам, может быть, но, читая пушкинские письма тех лет, все сильнее ощущаешь это стремление «вдохнуть свежеего воздуха».

В январе 1836 года он пишет Нащокину: «Думаю поехать в Москве, коли не около в дороге. Есть ли у тебя угол для меня? То-то бы наболтался, а здесь не с кем...»

Отставной поручик Павел Воинович Нащокин, или «Войнич» по-пушкински, не принадлежавший ни к аристократическому, ни к литературному кругу, после Дельвига стал одним из самых близких друзей поэта. В самом деле — кому еще мог писать Пушкин в таком тоне: «обнимаю тебя от сердца», «мы с женой тебя всякий день поминаем», «за глаза я все боюсь за тебя»?

О близости Нащокина к Пушкину долгое время вообще мало знали. Только в 1925 году была найдена и опубликована тетрадь студента Бартенева, записавшего в свое время рассказы Нащокина о дружбе с первым поэтом России.

В тот майский, последний свой приезд в Москву Пушкин провел у «Войнич» 18 дней. И неудивительно. «Все лето рыскал я по России и нигде тебя не застал» (это писано в 1835 году). И еще: «Когда бы нам с тобой увидеться! много бы я тебе наговорил; много скопилось для меня... такого, о чем не худо бы поговорить у тебя на диване, с трубкой в зубах...»

«Детски добрый, доверчивый и впечатлительный», Павел Воинович не мог не почувствовать из разговоров «на турецком диване», что над голубой его друга Александром Сергеевичем сгущаются грозовые тучи. Но что он мог сделать? Сердце подсказало: подарить талисман — оберегающий от насильственной смерти. Подарить такое же кольцо — золотое, с бирюзой, — какое и сам носил, не снимая. И вот кольцо заказано, долго его делали, принесли в час ночи. Пушкин не уезжал, не мог обидеть друга, пока не дождался подарка. Нащокин сам надел его на палец Пушкину, он искренне верил — талисман защитит великого поэта от безвременной смерти. А Пушкин? Он уезжал в Петербург работать над жур-

налом «Современник», над «Историей Петра», улаживать домашние дела, а затем — сбегать в деревню и писать, писать...

На смертном одре Пушкин вспомнил о подарке Нащокина. Подозвав Данзаса, лицейского товарища и секунданта, попросил его подать небольшую шкатулку, вынул из нее бирюзовое кольцо и отдал на память. При этом сказал: «Возьми, оно от нашего общего друга».

Как же он, Александр Сергеевич, забыл об этом кольце, когда мылся перед поединком чести, когда облачался в чистое белье, — как солдат перед атакой, когда надевал бекешу, а потом, вернувшись с лестницы, сменял бекешу на медвежью шубу, как он забыл об этом золотом кольце с бирюзой?

А рыжеволосый, большой, неуклюжий, прозванный в лице «Медведем», инженер-подполковник Константин Карлович Данзас много лет потом не расставался с этим дорогим для него подарком. На Кавказе, в Тенгинском полку, в том, кстати, где служил и Лермонтов, сколько раз он рвался под шальные пули, показывая в бою безрассудную храбрость. И всякий раз пули его миновали.

Историю эту с бирюзовым кольцом завершим строками воспоминаний жены Нащокина, пережившей всех «спутников» поэта. Она писала, как в большом горе рассказывал ей Данзас, «что один раз в Петербурге в сильнейший мороз, расплачиваясь с извозчиком на улице, он, снимая перчатку с руки, обронил это кольцо в сугроб. Как ни искал его Данзас, совместно с извозчиком и дворником, найти не мог».

Наверное, когда сошел снег, кто-то поднял его, а может быть, веющие воды смыли кольцо в Неву. Но как не хватает сегодня его бирюзового лучика в пушкинском музее на Мойке!

2. Черемуха на подоконниках

На Мойку в дом Волконской семья Пушкиных переехала 12 сентября 1836 года. В договоре о найме квартиры было сказано: «Нанял я, Пушкин... весь от одного ворот до других нижний этаж из одиннадцати комнат... За наем оной квартиры с принадлежностями обязуюсь я, Пушкин, заплатить... в год 4.300 рублей ассигнациями...»

Договор был заключен «сроком впрямь на два года, то есть: по первое число сентября будущего 1838 года». Но этой даты в жизни Пушкина уже не было...

Мы стоим в его кабинете, паркет застлан предохранительным слоем бумаги, от свежеекрашенных стен исходит холод, ослепительно

блещат золоченые дверные ручки. Известный всему миру дом Пушкина после реставрации готовится к открытию. Вспоминаются предсмертные слова поэта: «Мне надо привести в порядок мой дом». Словно выполняя завет хозяйина, потомки приводили в порядок его дом к 100-летию со дня гибели Пушкина, и вот теперь, к 150-летию, заканчивается вторая реставрация.

Тележурналисты ленинградского «Монитора», на протяжении трех лет, пока перестраивалась квартира, следившие за ходом работ, снимают очередной сюжет. Они просят Нину Ивановну Попову, заведующую музеем,

тысячи раз рассказывали посетителям одно и то же и каждый раз ведь волнуется, страдает, переживаете? Вот и сейчас, перед телекамерой, поправляя волосы, чуть заметно вздрагивают ваши пальцы. А ночью, чередуясь с другими работниками музея, вы остаетесь охранять эти комнаты, потому что «электросторож» по каким-то причинам не подключен...

Она берет мой блокнот и рисует план квартиры Пушкина, уже нынешней, из одиннадцати комнат, то есть той, первоначальной, в которой жил великий поэт. До нее музей состоял лишь из семи комнат.

бессмертные строки: «Красуйся, град Петров, и стой неколебимо, как Россия».

Мы невольно посмотрели на окна. Январский мороз разрисовал стекла, и так были похожи эти размашистые лопухи на букеты весенней черемухи.

3. Горсть моченой морошки

В спальне квартиры на Мойке висят два акварельных портрета — девятнадцатилетней Натальи Николаевны Пушкиной и ее мужа Александра Сергеевича, написан-

свете, а душу твою люблю я еще более твоего лица». Разве это не ответ ослепленной в любви к Пушкину и оказавшейся в стане «врагов» Натальи Марине Цветаевой! И уж куда убедительнее — П. А. Вяземскому, намекавшему однажды, что поэт стал жертвою бестактности своей жены, — в нескольких словах перед смертью: «Будь спокойна, ты невинна в этом».

О предсмертных минутах поэта рассказал Данзас. В записи А. Аммосова эти свидетельства дошли и до нас.

До последнего вздоха Пушкин был в совершенной памяти. Перед кончиной ему захотелось моченой морошки. Данзас сейчас же послал за нею, и, когда принесли, Пушкин пожелал, чтобы жена покормила его из своих рук. Ел морошку с большим наслаждением и после каждой ложки, подаваемой женою, говорил: «Ах, как это хорошо»...

Добавим к их взаимной любви и эти ягоды северной морошки.

4. Последняя дорога

На «Ленфильме» нам показали новую киноленту «Последняя дорога», которая находится еще на пути к широкому зрителю. Режиссер Леонид Менакер поставил ее в лирическо-трагическом ключе, используя прием булгаковской пьесы «Последние дни» — Пушкин в картине не появляется, хотя вся она, безусловно, о Пушкине, о последних днях его жизни.

...Слышится стрекот кинопроектора в тишине зала, и мы, словно в машине времени, переносимся в XIX век, в тридцать седьмой год. Конец января, зимний Петербург, оставил Неву, а по вечерам в Анничковом дворце неестественно светятся окна, гремит музыка, и «bange joyeuse» — «пестрая толпа» упирается мазуркой и котильоном под предводительством ловкого кавалергарда. В перерывах, обмахиваясь веерами, дамы ведут светские разговоры: о политике, о модах и, конечно же, о Пушкине и его жене...

А на завтра, в среду, к этому часу во дворе дома на Мойке уже будут останавливаться извозчики, в свете свечей будут мелькать встревоженные и опечаленные лица Жуковского, князя Вяземского, графа Вельянского, князя Мещерского, Тургенева, Валуева... Упадёт в обморок Наталья Николаевна... За Черной речкой у Комендантской дачи останется вытоптанная в снегу дорожка в двадцать шагов, по десять шагов от барьера в обе стороны, и капли пушкинской крови лишь на второй день заметет поземкой... В Михайловском театре по-прежнему будет идти «Горе от ума», а император Николай I соизволит прислать записку карандашом с последним советом «любезному другу»: «постарайся умереть христианином»...

И вот уже «весь черный Петербург» стоит под окнами Пушкина. Услышав роковую весть, тысячи людей бросились к дому поэта... А царь? Наиболее ясно истинное отношение правительства проявляется к праву

в секретном отчете Третьего отделения за 1837—1838 годы. Указывая на два «свойства» — «великий поэт и великий либерал», — отчет сообщает: «...собрание посетителей при теле было необыкновенное; ...многие располагали следовать за гробом до самого места погребения в Псковской губернии; наконец, дошли слухи, что будто в самом Пскове предполагалось выпрячь лошадей и везти гроб людьми, приготовили к этому жители Пскова. Мудрено было решить, не относились ли все эти почести более к Пушкину-либералу, нежели к Пушкину-поэту. В сем недоумении... высшее наблюдение признало своею обязанностью мерами негласными устранить все сии почести, что и было исполнено».

На обложке отчета Николай I написал: «Весьма удовлетворен и читал с большим удовольствием».

И снова неестественно яркий свет в окнах Анничкова дворца. И снова гремит там музыка. А под траурной лунной узой Пушкина из Коношненной церкви к «последнему пределу». Увозят в Святые Горы, где еще год назад он купил себе место на монастырском кладбище за десять рублей. Гроб сопровождают жандарм и старейший друг поэта, брат декабриста Александр Иванович Тургенев. Двадцать пять лет назад он привез юного Пушкина в Петербург, в Царскосельский лицей...

Последние аккорды проникновенной музыки Андрея Петрова, последние кадры фильма. И горечь в душе, и ощущение никогда не восполнимой утраты. С этими тяжелыми чувствами едем мы на Черную речку. И стоим у обелиска, обозначившего место дуэли.

Вместе с нами приехали сюда ленинградские поэты. Застывают в лютном холоде выдохнутые Анатолием Красновым строки:

Судьба решила все сплеча
В своей суровой прозе...
Здесь, как оплывшая свеча,
Береза на морозе.

Через несколько дней в доме на Мойке соберутся ученые и писатели, актеры и рабочие, ленинградцы и москвичи, псковитяне и одеситы, дождутся минуты, когда стрелки их часов совпадут со стрелками часов, стоящих в кабинете поэта, остановленных Жуковским в 2 часа 45 минут 150 лет назад, и наступит минута молчания. Минута, спрессовавшая всю нашу любовь к величайшему поэту. Минута, вмещающая в себя века.

«Я принадлежу стране и хочу, чтобы добро мое имя и честь были неприкосновенны во всех углах России, где мое имя известно...» Сегодня с полным основанием можно ответить поэту: Ваше имя и Ваша честь, Александр Сергеевич, неприкосновенны во всех уголках Советской Родины, всего земного шара.

Капитан 1 ранга
В. ЛУКАШЕВИЧ,
спец. корр.
«Красной звезды».

На снимках: памятник А. С. Пушкину на станции Ленинградского метрополитена «Черная речка»; ленинградские поэты В. КУЗНЕЦОВ, А. КРАСНОВ, В. АЗАРОВ, А. МАКАРОВ на месте дуэли.

Фото В. МАШКОВА.

«Вот мой адрес: на Мойке...»

Поднимает глаза, наполненные теплым, незимним светом:

— Что вам рассказать? Знаете, вот о чем...

В Ленинграде, освобожденном от блокады, 6 июня 1944 года отмечали на Мойке день рождения Пушкина. Собрались жители ближайших домов, приехали Вишневский, Вера Инбер. Библиотека, мемориальные вещи поэта еще не вернулись из эвакуации, стены были полупустые, как теперь, во время работ. Но настроение сложилось радостное, и слова в честь Пушкина звучали торжественные, яркие, послебодные. Как-то и не заметили сразу собравшиеся, а потом глянули разом

ные почти в одно и то же время.

Пушкину тридцать два года, здесь он такой, как в описании одной из современниц: «шатен, с сильно выщипанными волосами, с голубыми глазами необыкновенной привлекательности... Это были особые, задуманные глаза, в которых отражалась вся бездна дум и ощущений, перекриваемых душою великого поэта. Других таких глаз я во всю мою долгую жизнь ни у кого не видала».

Что до портрета Натальи Николаевны, то ее образ лучше всего передает запись в дневнике Дарьи Федоровны Фикельмон, жены австрийского посла, большой приятельницы поэта: «Пушкин приехал из Москвы и привез свою жену... Это очень молодая и очень красивая особа, тонкая, стройная, высокая — лицо Мадонны, чрезвычайно бледное, с кротким, застенчивым и меланхолическим выражением. Он очень в нее влюблен».

В наше время, когда интерес к Пушкину все возрастает, нам мало его поэтических и прозаических произведений, — нам нужен он сам, как человек, как личность, как со-
150 лет выясняем, уточняем даты, варианты стихов и не можем уточнить. Ищем новые документы, памятные места. Задаем много вопросов. И среди них: Был ли счастлив Пушкин последние шесть лет? Любила ли его «вызывающе» красивая Наталья?

Кто, кроме самого Пушкина, может ответить нам? А он, словно предвидя эти вопросы, написал:

Софья Николаевна Карамзина в 1837 году посетовала: «Наш добрый, наш великий Пушкин должен был бы иметь совсем другую жену». Пушкин возразил ей тремя годами раньше — в письме к Наталье Николаевне: «Я должен был на тебе жениться, потому что всю жизнь был бы без тебя несчастлив». «Глядишь ли ты в зеркало, и уверилась ли ты, — писал он жене, — что с твоим лицом ничего сравнить нельзя на

ответить на вопросы. — Здесь стоял диван, — показывает на средину кабинета Нина Ивановна. — На нем Александр Сергеевич скончался. А вот здесь место письменного стола...

Все кажется просто: здесь стоял стол, здесь — конторка, за которой Пушкин по старинной лицейской привычке работал полулежа на диване... Но почему так беспокойно сердце? Ведь столько лет прошло, а как будто вчера все было...

Ах, Нина Ивановна, Нина Ивановна! Не один год ходите вы по этим комнатам, управляете предметами, которых касалась рука Пушкина, до минуты знаете последние дни его жизни, тысячи и

на распахнутые окна и ахнули — подоконники были заставлены огромными букетами черемухи!

Литературовед Виктор Андроникович Мануйлов рассказывал, как в день памяти Пушкина в первую блокадную зиму ленинградцы добирались до занесенной снегом набережной Мойки и стояли у дома любимого поэта, сами почти занесенные снегом. Всякое русское сердце 10 февраля «бывает растерзано». Так было и в сорок втором, когда люди были растерзаны еще и блокадой. У заледенелой квартиры Пушкина — мороз под тридцать градусов! — стояли ленинградцы, пришедшие поклониться памятному месту, и повторяли, словно клятву,